

Содержание

Акт первый **ДЕНЬ ПЕРВЫЙ**

Сцена первая. Клер	
15	
Сцена вторая. Антуан	
49	
Сцена третья. Клер	
75	
Сцена четвертая. Антуан	
95	

Акт второй **ДЕНЬ ВТОРОЙ**

Сцена первая. Клер	
111	
Сцена вторая. Антуан	
125	
Сцена третья. Клер	
145	
Сцена четвертая. Антуан	
179	

Акт третий **ДЕНЬ ТРЕТИЙ**

Поль	
199	

П. Э.

Как брат

Проект Т. А. — вариант 1
10 декабря 2021 г.

*Состав исполнителей
уточняется*

Когда судьи решают,
Плох я или хорош,
Я уже сам не знаю,
Где тут правда, где ложь...

Жан-Жак Гольдман
*Peur de rien blues*¹

Я пишу фикшн, мне говорят: это авто-
биография, я пишу автобиографию,
мне говорят: это фикшн, что ж, раз я
такой тупой, а они такие умные, пусть
они сами решают, что это такое.

Филип Рот
Обман

1 Блюз “Ничего не страшно” (*франц.*).

Акт первый

ДЕНЬ ПЕРВЫЙ

Сцена первая

Клер

— **П**ойду спать. Не засиживайтесь допоздна.
Завтра...

Фраза осталась незаконченной. Казалось, мать вдруг растерялась, глаза у нее затуманились. У меня мелькнула мысль, что я ни разу не видела ее плачущей. Я взяла ее сухую, ледяную руку и поднесла к губам. Она взглянула на меня удивленно, в легком замешательстве, подавляя гримасу отвращения. Между нами такие жесты не в обычае. Почему — неизвестно. Не принято. Такая у нас семья, вот и все. В детстве я этого даже не сознавала. Вряд ли мне этого действительно не хватало. Я не знала, что бывает иначе. Когда я ходила в гости к подругам, то не видела особой разницы. Но может, их родители сдерживали свои порывы в моем присутствии. Из стыдливости. Из скромности. Только встретив Стефана, я вдруг поняла, что это отсутствие проявлений любви не так уж часто встречается, что существуют семьи, где люди касаются друг друга, обнимаются, говорят друг другу ласковые слова.

Наконец она с вымученной улыбкой отняла руку и направилась к двери на террасу. Было уже за полночь. Стефан и дети ушли наверх спать час с лишним назад. А она еще держалась, изо всех сил старалась не уснуть как можно дольше, но теперь это было ни к чему. Ни малейшего шанса, что Поль явится раньше завтрашнего утра. Да и то если соизволит приехать. Он не ответил ни на одно сообщение, ни мое, ни Антуана. Последний раз мы с ним общались три месяца назад. Но это дело обычное. Брат всегда был недоступен, когда у него выходил новый фильм. И когда писал, тоже. Не говоря уж про съемки, монтаж и постпродакшн. В общем, возникал он в нашей жизни редко, периодами, и всегда мельком, словно неохотно. Как будто в наказание себе, неизвестно за что. По большей части мы узнавали о его делах из газет, по радио, иногда даже по телевизору, но такое случалось довольно редко: его фильмы, как правило, в программах о культуре представляли актеры. Мать умоляла нас не сердиться. Жизнь Поля во многом была для нее загадкой, но она понимала по крайней мере одно: что, когда он пишет свои сценарии, ему нужно сосредоточиться. Что ему нужна энергия, которую он затем пустит в ход для производства и финансирования фильма. Что съемки и монтаж — это бездна, пожирающая все. И как он выкладывается на промоушене, и как тревожится, когда результат его трудов выходит на экраны. И наконец, как это все его истощает, неважно, провал или успех, и как ему тогда необходимо уйти в себя, собраться с силами, дать созреть

следующему фильму. Если, конечно, он, наоборот, не затевает театральную постановку — театр нравился ему все больше, но, казалось, поглощал его точно так же, хотя на спектаклях его присутствия вроде бы не требовалось; в такие месяцы он тоже не подавал признаков жизни. Да, наша мать все это понимала. Лучше, чем мы с Антуаном: в конце концов, у нас тоже своя насыщенная, изнурительная профессиональная жизнь, к которой у меня добавляется выматывающий семейный быт, дети, муж и изрядная часть домашних хлопот, а у Антуана — какая-то малопонятная личная жизнь, он, правда, свирепо охраняет ее от чужих глаз, но подозреваю, что она бурная. И все же. Мог бы на сей раз сделать исключение, думала я. Сообщить, что намерен делать. Или хотя бы подтвердить, что получил от нас всю информацию, где на первом месте стояла мамина надежда, что он приедет несмотря ни на что. Конечно, шансов, что он примет ее во внимание, было мало. Он нас вообще не особо принимал во внимание.

Мама захлопнула дверь. Я знаком попросила ее не закрывать — мы с Антуаном пока не собирались ложиться. На улице тепло, и мы еще не раз будем ходить туда-сюда между террасой и кухней — взять себе бутылку вина, вытряхнуть пепельницу, поискать чего-нибудь пожевать — остатки цыпленка, пакет чипсов, печенье. Но она дверь все-таки закрыла, чтобы не было сквозняка. Со сквозняками она воевала не на жизнь, а на смерть. Всегда, даже в разгар лета. Пока я жила здесь, мы с ней часто ругались

из-за этого. Мне больше всего нравилось ощущать движение воздуха в комнатах, я ненавидела чувствовать себя запертой в герметично закрытом доме. Она от этого с ума сходила. Все за мной закрывала. Везде, даже когда я была в собственной комнате. Входила и, ни слова не говоря, устремлялась к окну. Устранив зло резким, гневным жестом, удалялась, не удостоив меня ни объяснением, ни даже взглядом. Не знаю, почему она так ненавидела сквозняки, даже самые теплые, даже самые легкие. Думаю, она и сама не смогла бы объяснить. Какая-то невесть откуда взявшаяся фобия, что-то заложенное в ней с самого детства, быть может унаследованное от родителей. Сквозняки в доме были абсолютным злом. В этом, как и во многом другом, они с отцом были согласны. Туда же, наверное, нужно отнести и проблему ставней. Родители закрывали их, едва стемнеет, а иногда даже днем, если летом было очень жарко. Мне казалось, что я живу в склепе. Казалось, что меня хоронят заживо.

Она налила себе стакан воды на кухне и выключила свет. Потом мы слышали, как заскрипела лестница. Но ведь мать весит совсем немного. Так похудела за последние недели. В этот приезд я ни разу не видела, чтобы она что-нибудь съела — говорила, что просто не может, но потом все вернется, конечно. Часто повторяла: знаешь, все проходит. Это и есть смысл ее философии. Выстоять. Не поддаваться. Ждать, пока время сделает свое дело. Терпеливо и молча. Главное, не жаловаться. Мы насчитали двадцать скрипов, по числу ступенек. Эта

долбаная лестница всегда скрежетала как телега несмазанная. Похоже, с самого первого дня. С тех пор как родители незадолго до моего рождения влезли в долги на сорок лет и купили этот дом. Никто так и не сумел ничего с ней сделать. Никто так и не понял, почему она скрипит. То ли дефект конструкции, то ли качество древесины. Или небрежная сборка. В школьные годы мы проявляли чудеса изобретательности, чтобы по ночам спустаться по ней, не потревожив родителей, они бы нам спуску не дали, и главное, не разбудив отца, иначе нас ждала расплата — он рано вставал на работу, и сон его был священен. Сколько раз мы с Антуаном попадались, когда вощеное дерево скользило под носками, или срывались руки, когда мы цеплялись за перила в надежде скатиться на первый этаж, почти не касаясь ступенек! Сколько раз подворачивали ноги, неловко приземлившись! Только Поля ни разу не накрыли. Не знаю, как у него выходило ничем себя не выдать. А ведь он спускался почти каждую ночь, обычно задолго до меня — заграбастать телевизор и видеомагнитофон и крутить те старые выцветшие фильмы, которые, как он теперь говорит, определили его судьбу. А иногда сбегал из дома на всю ночь.

— Думаешь, приедет? — бросил Антуан, прикуривая.

На улице тихо шелестели деревья. Ночь была еще теплая. Из сада доносились запахи земли и смолы. Антуан поджег фитиль масляной лампы, освещавшей наш угол террасы. Он купил ее родите-

лям в начале лета. Они ею ни разу не пользовались. Я пожалала плечами. Разве с Полем поймешь? Он всегда поступал, как ему в голову взбредет. Приличия его не волнуют. Как будто статус художника дает ему право. Считал, что никому ничем не обязан. Тем более семье, которую размазывал в каждом фильме, в каждой пьесе, хоть и отрицал это. Твердил: это же вымысел, какое это имеет к вам отношение. Да что он себе думает? Я, конечно, не такая киноманка, как он, не особо увлекаюсь литературой и театром, — вернее, у меня на них не хватает времени, — но уж эту отмазку я знаю, всю эту херотень про вымысел, этот жалкий способ уйти от ответа, эти лицемерные штучки. “Но ведь герой — рыжий!” — огрызается, оправдываясь, Кристиан Клавье в “Моих наилучших друзьях”¹. И потом, его интервью. Тут я вообще не знаю, какие можно найти оправдания. Лично я была на него не в обиде. Мать тоже. Не хуже самих пьес или фильмов. Но Антуан смотрел на дело иначе. В его глазах то, что брат по ходу беседы лжет, выдумывает себе детство, какого на самом деле не было, семью, не совсем такую, в какой вырос, подтасовывает воспоминания и прошлое ради собственной выгоды, — самая что ни на есть гнусная непорядочность. И тут уж не сошлешься на вымысел, поэтическую вольность или еще какую-нибудь фигню в том же духе. Нет. Это вранье чистой воды. Откровенное надувательство, пусть и интеллектуальное.

¹ “*Мои наилучшие друзья*” (Mes meilleurs copains, 1989) — фильм Жана-Мари Пуаре. (Здесь и далее — прим. перев.)

— Нет, каков ублюдок! — орал он. — Мифоман хренов. Цену себе набивает. Чтобы его все жалели или уж не знаю что. Какой врун! Да еще эта манера плакаться на свое детство... Манера все чернить. Маму, папу, этот дом, этот город...

Обычно я пропускала все это мимо ушей. В чем-то Антуан, конечно, был прав. Но он на шесть лет младше Поля. И на восемь — меня. У нас были не совсем одни и те же родители. Поль, наверно, сгущал краски, но я знала, что река его лжи берет начало из ручейка, в котором кроется намек на правду. Во всяком случае, на его правду. Не совсем мою. Но не имеющую ничего общего с правдой Антуана. Даром что мы все выросли под одной крышей.

— А ты видела его последний фильм? — спросил Антуан.

Я не решилась сказать правду. Да, я его видела. Причем еще до выхода в прокат. Поль позвал меня на закрытый показ со съемочной группой. Тогда я удивилась. Он уже давно не делал таких вещей. Не звал никого из нас на просмотры, на премьерные показы. Не слал приглашений на свои пьесы. И вообще, когда мы с ним пересекались — случилось это редко, без папы, потому что после их последней стычки это стало невозможно, и всегда не здесь, не дома, потому что не могло быть и речи о том, чтобы папа решил нас не стеснять и удалился из собственного жилища, — мы никогда не говорили о его постановках. Табуированная тема. Он не желал оправдываться, да и в любом случае, как он говорил, “нам не понять”, у нас нет нужной дистанции,

дистанции зрителя. Мы вкладываем в его творения дополнительные смыслы, у нас искаженное видение. Нас слепят семейные связи, общее прошлое. Все эти споры ни к чему. Диалог глухих. В конечном итоге он вынес из своей киножизни только одно: с близкими, в частности с семьей, поладить невозможно. Либо он все выдумывает, извращает, переиначивает, и его обвиняют во лжи, в преувеличениях, манипуляции, непочтении, подрыве сложившейся репутации: что о нас скажут, кем мы из-за тебя прослыдем, что соседи подумают? Либо он строго держится правды, и выходит то же самое: как он смеет все это рассказывать, бросать нас на съедение, вытирать о нас ноги, не уважать нашу частную жизнь?

— Филип Рот говорил: писатель в семье — смерть для семьи. Так вот, с киношниками и режиссерами то же самое, — заявил он мне однажды.

Надо думать, изречение великого американского писателя служило в глазах Поля и снятием запретов, и отпущением грехов.

С этим его сообщением, приглашением на просмотр его последнего фильма, я обманулась вдвойне. Во-первых, вообразила, что Антуан с мамой тоже будут, без отца, конечно, — Поль не желал делать ему навстречу ни малейшего шага (обратное тоже верно). А во-вторых, думала, что это предпремьерный показ. Нарядилась и накрасилась соответственно. Стефан с детьми обстебали меня от души. И то сказать, маленькое черное платье с декольте, колготки в сеточку, шпильки, подводка для глаз и пунцовая помада — это тебе не больничный халат и кроксы или джинсы

и толстовка с капюшоном, которые я сразу натягивала дома. Ошибку свою я заметила, только войдя в холл роскошного частного кинозала, притаившегося возле парижского парка Монсо: я была единственной, кто так расфуфырился. Некоторых актеров, одетых во что попало, в “повседневную”, чтобы не сказать “домашнюю” (спортивные штаны и бесформенная толстовка поверх растянутой футболки) одежду, было не узнать — притом что двое-трое из них были из тех звезд, что красуются на журнальных обложках и дефилируют по красной дорожке в Каннах, Венеции или Берлине в костюмах от-ку-тю. Когда я появилась, Поль был занят, важный разговор с кем-то, с продюсерами, прокатчиками, своим первым помощником, представителями телеканалов, которые финансировали его полный метр. Наконец он меня заметил и, отделившись на миг от обступившей его группы, чмокнул в щеку.

— А, пришла? — удивленно бросил он.

Можно подумать, он забыл, что сам меня пригласил. Мы обменялись парой ничего не значащих фраз. Он отвесил комплимент насчет моего вида, я так и не поняла, издевался или нет. И на том все. Он вернулся к гостям, а я почувствовала себя такой неуместной среди всех этих людей, такой овцой в своем вечернем платье, что прошла напрямик в зал. И каким-то чудом оказалась не первой. Там уже была какая-то женщина, пресс-атташе, наверное, укрылась, чтобы позвонить.

После показа он снова оказался в плотной толпе, мы едва сумели попрощаться, обсудить фильм

случая не представилось. Я вернулась на парковку, недоумевая, зачем он меня позвал, причем только меня, да еще на этот опус. Что он мне хотел этим сказать? Может, в фильме было что-то касающееся нас обоих, что-то, чего я не уловила? Какой-то намек? Разоблачение?

С тех пор я его не видела и с ним не созванивалась.